ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления Союза писателей СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 38-й
№ 54 (3977)
Понедельник, 9 МАЯ 1966 г.
ЦЕНА 4 коп.

В борьбе за развитие науки, культуры и искусства советский народ под руководством партии добился грандиозных успехов. Кто желает дальнейшего расцвета советской науки и культуры, кто хочет укреплять позиции Советского Союза на мировой арене в этих областях, тот будет голосовать за политику партии коммунистов, за кандидатов блока коммунистов и беспартийных.

Из Обращения Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза ко всем избирателям — рабочим и работницам, крестьянам и крестьянкам, и советской интеллигенции, к воинам Советской Армии и Военно-Морского Флота

СЕГОДНЯ — ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Снимки сделанные военным корреспондентом Я. Рюмкиным двадцать один год назад, имеют свою историю. Разведчики, рвущиеся со знаменем к рейхстагу, увидели фотографии, сняты не сколько дней после памятного боя, в «Правде». Они обратились к журналисту с просьбой прислать каждому из них отпечатки на память о боях в Берлине.

Теперь они бережно хранят дорогую реликвию.

Николай ДОРИЗО — *Военные поезда*

О военные поезда,
Людные,
Откровенные,
Отошедшие навсегда,
Как годы
Военные.
В час бомбежки,
В кромешном аду
Так я ждал
Вашей скорой помощи!
И цеплялся за вас на ходу,
За железные ваши поручни.
Как в упоре,
Пролезая в вагон,
Спал я, стоя,
В прокуренном тамбуре.
Находилось всегда,
Как закон,
Место мне
В почетном вашем таборе.
Находилось всегда
Для меня
На каком-то разъезде
Мелькающем
Полка верхняя,
Искра огня
Из кресала
Солдата-товарища,
Кто-то сало
Протягивал мне.
Кто-то спиртом
Делился по совести.
На войне я был,
Как на коне,
Если ехать случалось
на поезде.
Не имеют стоп-кранов
Года.
Лишь работает память,
Как рация.
Время гонит
Свои поезда.
Где вы, те обожженные
станции?
Где вы, те,
С кем в людской толчее
Неловстретился я.
Недобившиеся?..
Как нужны вы бываете мне
В толчее
Автобуса...
О военные поезда,
Людные,
Отпровенные,
Отошедшие навсегда,
Словно годы
Военные!
Вы меня
Научили тогда
Верить той
Человеческой помощи.
Можно жить
Не минуту —
Года,
Только б крепче
Схватиться за поручни!

НЕМЕРКНУЩИЙ ПОДВИГ НАРОДА-ГЕРОЯ

М. КАЛАШНИК,
генерал-полковник, заместитель начальника Главного политического Управления Советской Армии и Военно-Морского Флота

ДЕНЬ Победы!

Мы вновь и вновь обращаемся к майским дням 1945 года, возвестившим о победоносном окончании великой битвы советского народа с немецким фашизмом.

1 418 дней Великой Отечественной войны — это тяжелые оборонительные бои, историческая битва на заснеженных просторах Подмосковья, героическая оборона Ленинграда, Севастополя и других городов-героев, Сталинградская эпопея, гигантское сражение у Курска, славные победы наших войск на полях Украины и Белоруссии, битвы за освобождение оккупированных гитлеровцами стран Центральной и Юго-Восточной Европы и, наконец, радостный час водружения знамени победы над поверженной гитлеровской столицей — Берлином.

Чем дальше время отдаляет нас от памятных дней войны, тем величественнее, ярче сияет немеркнущая слава героического советского народа. С честью и достоинством пронесли советские люди сквозь кровопролитные сражения победоносное ленинское знамя и не только отстояли свою свободу, но и спасли человечество от угрозы фашистского порабощения. До сих пор мы открываем все новые и новые факты самоотверженности и героизма народа, потрясающие своим величием.

В чем причины того, что, несмотря на серьезные неудачи в начале войны, потерю значительной территории, огромные жертвы, советский народ не только выдержал натиск гитлеровской военной машины, но уже в первые месяцы войны перемолол отборные дивизии противника, а затем нанес врагу смертельный удар? Что обеспечило нашу победу в этой крайне трудной борьбе?

Наши недруги за рубежом, мнящие себя «специалистами по России», не хотят, да и не могут дать правильный ответ на эти вопросы. Они пытаются представить дело так, что будто причины лежат в суровости русского климата, являются следствием «роковых просчетов Гитлера» или заложены в биологической природе русского человека, но отнюдь не в общественном строе, взрастившем героев. Нет нужды доказывать всю беспочвенность подобных утверждений, ставящих перед собой определенную политическую, классовую цель.

Подвиг народа, Советских Вооруженных Сил явился закономерным выражением высочайших сил и возможностей нашего многонационального государства, социалистического строя, определяемых справедливыми целями борьбы, вдохновляющей и руководящей ролью Коммунистической партии.

Наша партия умело мобилизовала материальные и духовные силы советского общества, широко использовала преимущества социалистической системы перед капиталистической, постоянно опиралась на растущее единство с народом. С политикой партии, ее организаторской деятельностью связана вся работа по укреплению Вооруженных Сил, их материальным обеспечением, подготовкой и воспитанием командно-политического состава, овладением боевым мастерством и полководческим искусством. Советские Вооруженные Силы, выдержав тяжелейшие испытания, на деле доказали в ходе войны свое могущество, сыграв **главную роль** в разгроме сильнейшей немецко-фашистской армии.

Несмотря на эти очевидные факты истории, не прекращается поток фальсификаций, идущий с Запада: идеологи империализма пытаются умалить и принизить нашу решающую роль в войне. Нелишне еще раз напомнить, что на советско-германском фронте было разгромлено и пленено до двух третей вражеских войск. Против Красной Армии в течение почти трех лет одновременно действовало до двухсот гитлеровских дивизий, в то время как англо-американским силам противостояло от 2 до 19 дивизий противника. Даже открытие второго фронта не изменило положения — советско-германский фронт по-прежнему оставался главным театром военных действий. Таковы факты.

Тенденциозное освещение и нарочитое искажение событий прошлого с головой выдают их авторов, обескураженных итогами второй мировой войны. Образование мировой социалистической системы, превращение социализма в решающий фактор мирового развития, развал колониальной системы империализма, дальнейшее углубление общего кризиса капитализма — все это явно не устраивает современных претендентов на мировое господство, пытающихся силой оружия остановить закономерный ход истории, «переиграть войну».

Последние агрессивные акции американской военщины, постыдная война США против вьетнамского народа, стремление агрессоров к обострению международной обстановки со всей очевидностью говорят об этом.

В современных условиях, как это подчеркивается в решениях XXIII съезда КПСС, нам необходимо и впредь повышать бдительность советского народа, крепить оборонную мощь нашей Родины, чтобы Вооруженные Силы СССР были всегда готовы к сокрушительному разгрому любой империалистической агрессии. И когда мы возвращаемся к памятным событиям минувшей войны, к ее итогам, мы еще и еще раз напоминаем сегодня всем любителям военных авантюр: не играйте с огнем, господа, это опасно!

Советские Вооруженные Силы, оснащенные современным ракетно-ядерным оружием, обладающие замечательным кадровым составом, в тесном строю с армиями социалистических стран, располагают всем необходимым, чтобы обуздать любого империалистического агрессора.

ИСТОРИЯ Великой Отечественной войны, титанического подвига нашего народа, который под водительством нашей славной партии сокрушил фашистские орды, несшие всему миру, всем народам угнетение, насилие и гибель, — неисчерпаемый источник вдохновенного творчества для писателей, поэтов, художников, композиторов, для всех тех, кто посвятил себя искусству и культуре. Для художника, обращающегося к боевой истории нашей Родины, возможности для творчества поистине безграничны.

Уже первые произведения о Великой Отечественной войне, написанные по горячим следам событий, со всей определенностью говорили о преемственности революционных традиций советской литературы—боевой, жизнеутверждающей, зовущей на подвиг. С Великой Отечественной войной воедино слились судьбы многих писателей, их творческие биографии. Навсегда останутся в нашей памяти художественные произведения и страстная публицистика периода войны М. Шолохова, А. Толстого, А. Фадеева, Б. Горбатова, Л. Леонова, А. Корнейчука, Н. Тихонова, К. Симонова, А. Твардовского, И. Эренбурга, А. Суркова, П. Тычины, М. Бажана, Я. Коласа, А. Исаакяна, Я. Судрабкална, Джамбула и многих других советских писателей, несущие живое дыхание военной поры. Мне приходилось не раз наблюдать, как фронтовики подхватывали меткое выражение писателя, между боями заучивали наизусть вдохновенные поэтические строки.

(Окончание на 3-й стр.)

ОНИ РОДИЛИСЬ В СОРОК ПЯТОМ

НАВЕРНОЕ, перед утренней побудкой этот солдатский лагерь трудно отличить от пионерского. Тщательно прибранные дорожки, свежей древесиной отсвечивают домики, на которые, так кажется, и просится табличка «Первое звено», позвав свежую зелень алеет флаг... Парни, что здесь служат, еще не успели забыть частый перестук отрядных барабанных палочек.

...Молодые бойцы стоят в строю — каска к каске, уверенно положив руки на автоматы. На знамени их Краснознаменного полка — ордена Суворова, Кутузова, Александра Невского. Для нынешних солдат славные боевые дороги как будто только история. Они родились после победных салютов. Понимают ли ребята, что именно они — наследники великой Победы?

Раздается команда: «Разойдись!», я подхожу к распавшемуся строю и спрашиваю: «Кто родился в 1945 году?». Отзывается правофланговый — сержант Кирилл Марьин. Отвожу его в сторону, прошу ответить на несколько вопросов, а солдаты обступают нас тесным кольцом, еще не зная какой, плащ-палаток, оружия.

Да, родился в сорок пятом, в Горьком, образование среднее, до армии работал на заводе, учился в вечерней школе, мечтает об энергетическом институте. Когда повторяю необычный вопрос: «Сознает ли он себя наследником победных традиций армии?», — задумывается.

— Знаете, первые месяцы службы как-то не особенно четко чувствовал это. Дни проходят за днями. Кажется: что особенного делаем? Изучаем технику, боевые уставы, чистим оружие, отбываем наряд, идем в увольнение... А ведь все вместе значит — стоим на страже Родины. Ответственность-то какая — охранять Родину!

Недавно в нашей печати были опубликованы материалы, рассказывающие о преступлениях американской военщины во Вьетнаме. Американский журналист пишет о своих соотечественниках-пиратах: «У этих 18-, 19-летних, которых стало модным называть «недоучками», проснувшими средние школы... вероятно, глоткой развит инстинкт убийцы». Я делаю не случайные сопоставления слов и людей. Здесь наглядно проявляется предназначение двух армий. «Огнем и мечом» прокладывать дорогу капиталу—одной, защищать мирный труд — другой. Отцы сегодняшних советских солдат принесли Европе освобождение от фашизма. Их сыновья верны памяти павших за правое дело.

Конечно, сейчас в армию приходят люди, несравненно более подготовленные, способные овладеть всей сложнейшей техникой, пришедшей на вооружение. От современного солдата требуется отнюдь не поверхностное знание основ физики, математики, электроники. Наши воины — люди высокой технической и эстетической культуры.

Еще и еще раз расспрашиваю ребят, родившихся в сорок пятом. Как похожи их биографии! Их отцы — участники Великой Отечественной, образование — среднее, до армии — работал, службой доволен, хочет стать высококвалифицированным специалистом. Это биография послевоенного поколения.

Интересно, что сегодня будут делать солдаты? Свободного времени будет больше. Может быть, соберутся в кружок — попросят ветерана войны гвардии старшину Владимира Ивановича Ярощука вспомнить какой-нибудь из его бесчисленных фронтовых рассказов...

Вечером все придут в солдатское кафе «Березка». Поднимут стаканы с чаем (надо бы что-нибудь покрепче, да нельзя — служба), пригласят на танцы девушек из ближайшего поселка. Еще один ровесник Победы, Виктор Крайнов, пожаловался мне, что ему потанцевать не удастся: он по кафе дежурный. Но даже и в этот праздничный день будут стоять строгие часовые с автоматами, и эти веселые часы будут для многих напряженными, нелегкими и очень ответственными. Парни сорок пятого года рождения находятся на своих постах.

Р. ПОСПЕЛОВ
Гвардейская Таманская дивизия

Фото Б. Виленкина

Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР заслушали доклад Правительственной комиссии, образованной в связи с именным лета 26 апреля 1966 года землетрясением в гор. Ташкенте, и приняли постановление «О неотложных мерах помощи Узбекской ССР по ликвидации последствий землетрясения в гор. Ташкенте», которое вчера было опубликовано в газете «Правда».

Адрес: «Срочно, Ташкент»

ПРАЗДНИЧНЫЕ дни мая ташкентцы отмечают так же, как и всюду у нас в стране. Но в отличие от других городов, тут работают и в праздник. Когда по площади имени Ленина, как всегда в дни Первомая, четким маршем проходили солдаты, а потом с песнями, с танцами шли демонстранты, — в районах новостроек, на Чиланзарском массиве, надев рабочие халаты поверх праздничных нарядов, трудились строители, отряды добровольцев, домохозяйки.

Одним словом, пульс города бился нормально. Прошедшие дни не смогли нарушить его ритм. После сильного землетрясения утром 26 апреля здесь было много подземных толчков, а 5 мая — на десятый день — город выдержал еще одно труднейшее испытание: по Ташкенту прошел ветер ураганной силы. Он вырывал деревья с корнями, ломал окна, рвал провода, пылью засыпал глаза, срывал с места палатки, в которых временно жили ташкентцы.

И снова горожане без лишней суматохи, без нервозности, спокойно и мужественно налаживали порванную сеть электролиний, восстанавливали столбы, очищали улицы и переулки.

А сколько было бы суматохи, если бы в самые трудные минуты не оказались у своих аппаратов телефонисты и телеграфистки города. Девушки работали бессменно. Прикорнув на минуту, они шли к аппаратам. Ведь Ташкент в эти дни ежедневно получал и отправлял в 20—25 раз больше телеграмм, чем в праздничные дни в обычное время... А сейчас связистам стало легче: Москва дала десять дополнительных каналов связи. Из Фрунзе и Душанбе на помощь своим подругам прибыла большая группа телефонисток и телеграфисток.

Сотни и тысячи ташкентцев, отличавшись на любой приказ, идут на помощь друг другу по первому зову. И потому сегодня, когда уже позади первые трудные дни, мне с восхищением хочется говорить о мужестве, спокойствии, человечности целого города, города с миллионным населением. Да и не только одного города, а всех советских людей. Ибо руку помощи Ташкенту протянула вся страна.

Широко известен номер счета в ташкентском госбанке, на который направляются средства, собранные советскими людьми, желающими оказать помощь пострадавшему от землетрясения населению города. Счет был указан во всех газетах республики. И в банк уже поступили десятки тысяч рублей...

Летчики Куйбышевского отделения Гражданского воздушного флота на своих самолетах везут аварийный груз из Смоленска — везут в Ташкент. Москвичи, ленинградцы, киевляне, минчане, алмаатинцы срочно отправляют сборные дома. Адрес — Ташкент. Из Сибири через Омск и Семипалатинск идет строительный лес. Товарные составы мчатся со скоростью курьерских поездов. На вагонах надпись: «Срочно, Ташкент». С такими надписями идут поезда на Ташкент и с запада страны через Урал и Кзыл-Орду...

В Самарканде на фронтонах новых жилых домов красуется надпись: «Добро пожаловать!» Здесь 150 комфортабельных квартир получат ташкентцы, оставшиеся без крова. А рабочие Самаркандского кирпичного завода перешли на трехсменную работу, как и рабочие Кукуса — столицы Каракалпакии, — Ташкенту нужен кирпич...

Шестнадцать городов и два сельских района Узбекистана заявили о своей готовности принять ташкентцев, лишившихся крова во время землетрясения, предоставить им благоустроенное жилье и работу по специальности. Они выделили новые квартиры для 1650 семей.

Свою помощь предложили все индустриальные центры Узбекистана, в том числе Самарканд, Бухара, Фергана, Навои, Коканд. По их приглашению уже изъявили желание выехать туда около трехсот семей. Все расходы по их переезду и вселению в новые дома взяли на себя местные Советы. В другие города республики уже выехала первая партия ташкентцев. Через некоторое время они при желании смогут вернуться в столицу Узбекистана.

В Ташкенте спокойно. Быстро ликвидируются последствия землетрясения. Сносятся аварийные здания и возводятся новые дома. Больше стало машин, больше бульдозеров, кранов, больше строителей — помогают студенты города, приехали строители из других республик.

...По утрам тысячи лотошников развозят хлеб, молоко, масло, мясо — все необходимые продукты для каждой семьи.

Многочисленные комиссии, созданные при райисполкомах, по нескольку раз обошли все дома и здания, пострадавшие от землетрясения, и установили степень их аварийности. Составили списки всех нуждающихся в переселении. 1 150 семей переселились в новые квартиры уже к 1 мая. А в течение месяца будет сдано более двух тысяч квартир.

...Я побывал в Кировском и Куйбышевском райисполкомах.

В одном из кабинетов составляется список адресов, куда срочно нужно доставить палатки, в другом — список людей, получающих ордера на жилплощадь. М. Камалов, председатель Куйбышевского райисполкома, говорит, что в первую очередь квартиры предоставляются семьям с детьми, престарелым, тем, чьи дома подверглись наиболее сильным разрушениям, а те, кто поселился в палатках (кстати, в палатках в обязательном порядке настилаются полы, чтобы сырость не повлияла на здоровье людей), будут переселены и школы и клубы, которые уже готовы к приему временных жильцов. А тем, кто хочет отремонтировать свой дом или построить новый, тут же бесплатно выписываются ордера на все необходимые строительные материалы, выдается безвозмездно необходимая сумма денег. Денежная помощь оказывается и тем, кому стихийное бедствие нанесло материальный ущерб.

— Я был на активе партийных и советских работников, на котором выступал товарищ Брежнев, — говорит М. Камалов, — и могу вам с полной ответственностью сказать, что максимум через три месяца все пострадавшие ташкентцы будут обеспечены квартирами. Вся страна помогает нам.

...В одном из зданий правительственного здания состоялось совещание архитекторов, проектировщиков и глав строительных трестов и комбинатов. Обсуждался план ускоренного возведения жилых кварталов. Речь идет об очень важной государственной проблеме — строить не только быстро, рационально, красиво, удобно, но и непременно прочно.

Генеральный план реконструкции центральной части Ташкента, разработанный до землетрясения, остается в силе. Главная поправка — в сроках, заявил позавчера главный архитектор города А. Якушев на пресс-конференции. — Помощь москвичей, киевлян, харьковчан, минчан и строителей других городов страны позволит осуществить этот замысел на несколько лет быстрее, чем намечалось. Уже за пятилетие на месте разрушенных стихией старых построек поднимутся дома почти на пять миллионов квадратных метров жилой площади — примерно вдвое больше того, что потерял Ташкент в связи с землетрясением и что снесется по плану реконструкции.

Основной застройки станут девяти-, четырнадцатиэтажные здания, собранные по железобетонных каркасов и крупных панелей. Они поднимутся над новыми бульварами, скверами и зелеными набережными.

— Что касается планов на этот год, то уже к зиме все семьи, лишившиеся крова, получат жилье в капитальных зданиях, — сказал Ф. Мазитов, заместитель председателя ташкентского горисполкома.

— Главная наша забота — о детях, — подчеркнула С. Рахматходжаева, другой заместитель председателя горисполкома. — Все приготовлены дома отдыха предоставлены малышам. Почти на месяц раньше обычного открываются пионерские лагеря. Выделены помещения для расширения сети детских яслей и садов.

Во время землетрясения в Ташкенте остановились все городские часы. Они словно засекли этот миг, когда вздрогнул город. Но потом они пошли сами, словно бы отмеряя деловой ритм налаженной жизни города.

В городе, как обычно, много иностранных гостей. Их число увеличилось еще и потому, что в Ташкенте начал свою работу Международный семинар по ликвидации неграмотности. Представители многих стран Африки приехали изучать опыт народов Советского Востока, которые за годы Советской власти смогли так высоко поднять культуру, экономику.

Ташкент, омытый теплыми лучами южного солнца, празднует День Победы.

Ануар АЛИМЖАНОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
ТАШКЕНТ. (По телефону)

Ты помнишь, товарищ...

- ИЗ МЕМУАРОВ маршала И. КОНЕВА
- О ПОЭТАХ ВОЕННОЙ ПОРЫ.
- РИСУНКИ ХУДОЖНИКА-ФРОНТОВИКА

Мать-Отчизна, победила ты...

Мулин КАНОАТОВ

По земле немой, в тоске немящей
Прах сынов своих
в себе хранящей,
Что сложили головы в боях,
Я хожу, святой их славы прах,
Зарыдать готов от жгучей боли,
Что пришлось шагать тут
поневоле!
«Братья, навыкате, — к шепчу, —
Славный подвиг ваш коснеть
хочу!»
Мать-земля! Будь помнит день,
когда
Вражья озверелая орда
Осквернить решилась исполинский
Твой подол священный,
материнский,
На котором грудью ты своей
Преданных вскормила сыновей
И взрастила, пестуя любовно,
Радуясь их братской дружбе
кровной.
И твои сыны за честь твою
В жесточайшем, грозном том бою
Стали насмерть, друг за друга
взявшись,
Пламенно перед тобой
поклявшись,
Что пройдут через огонь и воду,
Но тебе вернут они свободу.
А надменный твой, презренный
враг
Будет изгнан и разгромлен
в прах!..
Сыновья твои сдержали клятву!
Просчитался лютый враг
проклятый!
Тяжела, страшна была борьба,
Но предрешена была судьба
Вражьих орд, упоренных вавших
Чтобы не уйти отсюда даже
И остатком жалкой силы вражьей!
Небо и земля в броне снегов
Завертелись тут в глазах врагов,
И пришел конец их гнусной спеси,
К счастью наших городов и весей.
Тут, в кольцо железное зажат,
Злобный враг был в плен
позорный взят —
И тебе. Отчизна-мать,
представлен,
Жалок, обессилен, обесславлен,
Чтоб, не смея на тебя взглянуть,
Пыль с подола твоего стряхнуть,
Чтоб твоим страданьям и
мытарствам
Был теперь его позор лекарством...
Мать-Отчизна! В тот
великий год
Каждая руина, каждый камень
Тут земле и людям был экзамен!
Словно марагач, другим в пример,
Тут солдат стоял и офицер,
А сраженный, зову долга внемля,
Падая, хватал руками землю,
Ту, что духа мощь ему дала,
Ту, что матерью его была!..
Двести дней, ночей кровавых
двести
Здесь, на этом легендарном месте,
Не смолкала ни днем и ни ночью
Двух враждебных судеб
меж собой.
Над рекой, над городом,
над степью
Огненной грохочущею цепью
Пламенели эти двести дней
Жарче ада, адских мук грудней.
Победила ты, и город тот,
Что воскрес над Волгою-рекою,
Возрожден сыновнею рукою!
Хоть еще ты в трауре скорбела,
Но уже окреп и дух и тело,
И своих героев сыновей
Осенила славой ты своей.
Ты прости меня, земля родная,
Что, твоих героев поминая,
Может быть, некстати тут брожу,
Боль твою святую бережу.
«Братья, братья, — про себя
шепчу я, —
Ваш геройский прах поспеть
хочу я,
Свято чтимый всей страной
родной!
Спите, обойду вас стороной!»

Перевел с таджикского
Лев ПЕНЬКОВСКИЙ

ОТ ОДЕРА ДО НЕЙСЕ

И. КОНЕВ,
Маршал Советского Союза

НИЖНЕ-СИЛЕЗСКАЯ наступательная операция 1-го Украинского фронта, о которой я расскажу в этой главе, по существу, была продолжением Висло-Одерской операции и непосредственно примыкала к ней по времени...

...Нижне-Силезская операция была спланирована нами в самом конце января 1945 года на гребне успеха Висло-Одерской операции как ее непосредственное продолжение. Первоначальный план мы направили в Ставку еще 28 января, и его одобрили там без всяких изменений.

Главный удар намечалось нанести с двух крупных плацдармов на Одере — севернее и южнее Бреслау. В результате должно было последовать окружение этого сильно укрепленного города, а затем, взяв или оставив его в тылу, мы предполагали развивать наступление основной группировкой прямо на Берлин. В то же время войскам левого крыла 1-го Украинского фронта предстояло разгромить противника на дрезденском направлении. При этом мы рассчитывали на содействие своего соседа слева, 4-го Украинского фронта.

Фактически же за шестнадцать суток боев, к 24 февраля, мы выполнили только часть поставленной перед собой задачи. Окружив гарнизоны Бреслау и Глогау, наши войска продвинулись на главном направлении почти на полтораста километров, вышли правым крылом на реку Нейсе, на уровень левого крыла 1-го Белорусского фронта, и здесь закрепились. Для дальнейшего наступления требовалась пауза. Ведь и без того на нашем фронте одна наступательная операция (Висло-Одерская), по существу, без всякой передышки перерослa в другую (Нижне-Силезскую). Мы наступали непрерывно сорок четыре дня (с 12 января по 24 февраля) и прошли с боями от пятисот до семисот километров. В среднем за каждые сутки войска продвигались на шестнадцать километров.

За такие итоги краснеть не приходится. Но они не освобождают меня от необходимости объяснить, почему все же Нижне-Силезская операция планировалась на одну глубину, а на практике была осуществлена на другую, значительно меньшую. Назовем три основные причины.

Во-первых, планируя эту операцию, мы считали, что наше наступление на запад будет проходить одновременно с наступлением войск 1-го Белорусского и 4-го Украинского фронтов. Но в действительности получилось иначе — обстановка вынудила войска 1-го Белорусского фронта ликвидировать угрожающую ему восточно-померанскую группировку немцев. В связи с этим 1-й Белорусский фронт вынужден был отказаться от дальнейшего наступления на Берлин и после выхода на Одер закрепиться на достигнутых рубежах. К тому же наш левый сосед, 4-й Украинский фронт, нацеленный на Чехословакию, столкнулся с упорнейшим сопротивлением немцев и почти не имел продвижения.

Во-вторых, в ходе операции в конце января 1945 года выяснилось, что мы недооценили возможность противника к восстановлению боеспособности своих частей и соединений, разгромленных перед этим нами на Висле и Одере.

В третьих, громадная растянутость наших коммуникаций, отставание темпов восстановления железных дорог от темпов наступления войск. Уже к началу операции, то есть к 8 февраля, ближайшие станции снабжения оказались удаленными от дивизий первого эшелона на 500 километров, что резко ограничивало подвоз боеприпасов и горючего.

О перспективах развития этой операции и необходимости приостановить действия войск на рубеже Нейсе Ставке Верховного главнокомандования было доложено 16 февраля 1945 года.

...Наступление началось в шесть часов утра 8 февраля 1945 года после пятидесятиминутного артиллерийского удара. Для более длительной артиллерийской подготовки мы не располагали боеприпасами. Однако и при этом, несмотря на скверную погоду, помешавшую работе нашей авиации, плотная ударная группировка осуществила прорыв на фронте в восемьдесят километров. Пехота вклинилась в оборону противника на десять—пятнадцать километров, а танковые армии за первые сутки продвинулись вперед от тридцати до шестидесяти километров.

Первый успех был налицо. Но чем дальше, тем труднее становилось его развитие. В последующую неделю, до 15 февраля, армии правого крыла фронта сумели пройти с боями лишь шестьдесят—сто километров. Наступление протекало в условиях весенней распутицы. Местность Восточной Померании — сплошная болотистая. Немцы, отходя, упорно сопротивлялись...

...Войска достигли рек Бобер и Квейс, форсировали их на ряде участков и завязали бои за расширение захваченных плацдармов. А генералу Лелюшенко удалось прорваться даже к Нейсе и переправиться через нее главными силами своей танковой армии.

К сожалению, наша 13-я армия не использовала отторгнувшихся перед ней возможностей и не устремилась вслед за танкистами. Действуя в данном случае недостаточно энергично, что можно, правда, объяснить крайним истощением личного состава, армия не дошла до Нейсе, и немцам удалось замкнуть прорванный фронт между армией Лелюшенко. Бои пехоты приняли здесь затяжной характер, а возвращение танкистов оказались на несколько суток перезанятыми.

Это вынудило меня лично выехать в 13-я и 4-я танковые армии. К танкистам я в тот же день прорвался сам и не ошибся. Смена с Лелюшенко поддерживалась только по радио. Я остался в армии Пухова и пострадал вместе с ним исправить сложившееся положение. В середине суток упорных боев войска Пухова с фронта и поворотом армии Лелюшенко навстречу этому удару нам удалось наконец ликвидировать попытку немцев отрезать наши части, вырвавшиеся за Нейсе...

...А тем временем на крайнем правом фланге фронта 3-я гвардейская армия Гордова, наступая смело и напористо, окружила значительную группировку немцев в крепости Глогау. Она блокировала крепость лишь небольшой частью сил (что очень важно и правильно), а главные силы двинула на северо-запад и к 15 февраля вышла к устью реки Бобер.

Таким образом, хоть и с неприятными для нас сюрпризами, но правое крыло фронта пробивалось вперед... А вот положение наших войск в центре меня все больше беспокоило. Упорное сопротивление немцев в районе Бреслау задерживало дальнейшее продвижение на запад 5-й гвардейской и 21-й армий. Да и 6-я армия генерала Глузовского, наступавшая непосредственно на Бреслау и действовавшая сначала очень хорошо, особенно при прорыве обороны противника, распылила свои силы. Половину их командующий направил на прикрытие правого фланга, а остальных было явно недостаточно для выполнения главной задачи. В итоге армия застряла.

Положение усугублялось тем, что наши левофланговые 59-я и 60-я армии не сумели прорвать оборону противника, сосредоточившего против них равные силы и 10-го числа по моему приказу перешли к обороне.

Решение это было правильное и единственно возможное. Нет ничего хуже, как делать вид, что продолжаешь наступление там, где оно уже не продолжается и не может, фактически остановилось и требует для своего возобновления новых сил и средств. И однако переход к обороне армий левого крыла фронта, конечно же, поставил в трудное положение армии центра (5-я гвардейская и 21-я). При малейшем продвижении вперед они вынуждены были все более и более оттягивать свой левый фланг.

Почувствовав угрозу, нависшую над Бреслау, немцы принимали все меры к тому, чтобы не допустить окружения города, непрерывно усиливая бреславскую группировку... Начались яростные контратаки. В течение только одного дня 19-я танковая и 254-я пехотная дивизии противника двенадцать раз атаковали боевые порядки 6-й армии группами в пятьдесят—шестьдесят танков и штурмовых орудий.

...Резервы требовались и для правого крыла фронта, которому каждый шаг вперед тоже давался все с большим трудом. Словом, настал такой момент, когда почти все направления, на которых действовали войска фронта, надо было подкреплять.

Следовало внимательно проанализировать обстановку, взвесить все «за» и «против», чтобы безошибочно определить звено, ухватившись за которое, мы могли бы вытянуть всю цепь. Таким решающим звеном являлся быстрый разгром бреславской группировки. Для меня было совершенно очевидно, что, пока мы не замкнем кольца вокруг Бреслау, три наши армии будут прикованы здесь, образовав дугу чуть ли не в двести километров. Чтобы решить эту задачу и прочно замкнуть кольцо, я приказал танковой армии Рыбалко повернуть на 180 градусов и разгромить резервы противника, подходившие к Бреслау...

...Сильно только-только захмелудось, и чтобы обеспечить его непробиваемость с внешней стороны, требовалось прежде всего разбить подходившие немецкие резервы.

О моменте встречи двух армий в тылу окруженных в Бреслау немцев бухгалтер через несколько часов стало известно всему фронту. Все ждали этого и вздохнули с облегчением.

А тем временем внутри кольца все кипело. Окруженные части гарнизона метались из стороны в сторону в поисках выхода. Иногда они дрались с отчаянием, чаще — сдавались в плен. На дорогах юго-западнее Бреслау скопилось огромное количество машин и повозок с людьми, которые, потеряв надежду отыскать здесь хоть какую-нибудь брешь, катились теперь обратно к городу.

Командующий группой немецких армий «Центр» генерал-полковник Шернер тоже пытался в эти дни собрать силы к юго-западу от Бреслау и прорвать наш фронт ударом извне. Но было уже поздно. Бреслау мы окружили надежно, и вопрос теперь заключался только в том, когда в ценой каких жертв нам удастся взять его.

Я решил оставить здесь только 6-ю армию, небольшой частью ее заняв оборону, а превышала по своей численности гарнизона Бреслау. Кстати, гарнизон был не таким уж малочисленным — даже после капитуляции 6 мая в нем было взято в плен сорок тысяч солдат и офицеров. Но у меня была твердая уверенность в том, что 6-я армия не выпустит окруженных в Бреслау немцев и в конце концов разгромит их. С этой задачей она действительно справилась...

...Оставив вокруг Бреслау только малочисленную 6-ю армию, 1-й Украинский фронт продолжал наносить удар за ударом по немецким войскам, оставшимся вне кольца окружения, и упорно продвигался на запад, к Нейсе.

Конечно, на долю солдат и офицеров нашей 6-й армии выпала нелегкая задача. Они держали в течение почти трех месяцев оставшийся у нас в тылу гарнизон Бреслау. Последний удар по Бреслау им пришлось наносить 6 мая, уже после падения Берлина и самоубийства Гитлера. Выполняя свою задачу, 6-я армия позволила тем самым остальным силам фронта наступать на запад, не оглядываясь и не задерживаясь.

Каковы же окончательные результаты этого наступления? С 8 по 15 февраля войска правого крыла фронта продвинулись на сто десять километров, вышли на реку Бобер и захватили плацдармы на ее западном берегу; заняли целый ряд административных и промышленных центров Нижней Силезии, а также провинции Бранденбург. Лигниц, Бунцлау, Заган и десятки других. 4-я немецкая танковая армия оказалась разбитой, и все, что от нее осталось, поспешно ретировалось за реки Бобер и Квейс. В тылу у нас остались два немецких гарнизона, окруженных в Бреслау и Глогау.

Короче говоря, и за эти восемь дней наступления были достигнуты весьма значительные результаты...

...Подведем некоторые итоги.

Нижне-Силезская операция длилась семнадцать суток, с 8 по 24 февраля 1945 года. Далеко не все в ней осуществлено так, как первоначально мыслилось. Противник, понесший тяжелые поражения, сумел в короткий срок закрепиться на Одерском рубеже, привести в порядок свои разбитые войска, подтянуть резервы, организовать управление. Ни в коем случае нам не следует умалять степень организованности, проявленной немецким командованием в тот критический для него момент. Хотя нужно иметь в виду и другое: сотнями показанной пленных было подтверждено, с какой поистине бесчеловечной жестокостью, чисто по-фашистски наводился этот порядок.

Однако крах третьего рейха надвигался неумолимо. Несмотря на все усиливавшееся сопротивление фашистов и усталость наших войск, несмотря на наши неимоверно растянутые коммуникации, несмотря на то, что за все время операции было только четыре летных дня и почти вся тяжесть поддержки пехоты пала на артиллерию, которая вдобавок еще испытывала недостаток в боеприпасах, — несмотря на все это, войска фронта правым крылом прорвали оборону на Одере, преодолели промежуточные оборонительные рубежи по реке Бобер, Квейс и вышли на Нейсе. Именно этот выход на Нейсе, на уровень позиций 1-го Белорусского фронта был главным итогом февральского наступления, которое имело большое оперативно-стратегическое значение: войска двух крупнейших фронтов заняли наиболее выгодные рубежи для завершающего удара на берлинском направлении. Одновременно южным крылом наш фронт угрожающе нависал над верхне-силезской группировкой противника, и мы уже начинали как окружить и разгромить ее...

...Существует мнение (я знаю об этом), что, может быть, вообще не следовало проводить Нижне-Силезскую операцию, а целесообразнее было бы остановиться на Одере, накопить силы и, прорвав оборону немцев, одним махом преодолеть все расстояние, отделяющее 1-й Украинский фронт от Берлина. Думая об этом, я в свою очередь задаю вопрос: а как бы выглядела тогда последняя, завершающая операция войны, Берлинская, если бы мы заранее, ценой огромного напряжения и нечеловеческих усилий, не выдвинулись бы вперед от Одера к Нейсе? Она далась бы нам с большим трудом, сроки падения Берлина и освобождения Праги в конечном счете отодвинулись бы намного.

Высказывалось и такое суждение: уже тогда, в феврале, начать прямое наступление на Берлин. Но итоги и уроки Нижне-Силезской операции начисто опровергают это поверхностное мнение.

Вспоминая эту трудную операцию, я хочу добавить лишь одно — в моей душе навсегда сохранилось чувство глубочайшей благодарности, уважения и преклонения перед солдатами и офицерами, которые, каково бы, при наступлении от Вислы до Одера, сделав все, что в силах человеческих, на следующий день с неослабевающим мужеством вступили в новые ожесточенные семнадцатидневные бои, приведшие на подступы к фашистскому Берлину.

Глава из книги «Сорок пятый», которую Воениздат готовит к печати.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Василий СУББОТИН

Они всюду, куда ни посмотришь.

И, поверьте мне, солдату, действительно кажется, что всё — все снаряды, и крупные и мелкие, летят в него, всё, что есть стреляющего, несущего смерть, направлено на него. И всё странно: то минует, и всё странно, пока не попадет, его минует,

Вот почему это так точно,

Мне кажется, что я магнит,
что я притягиваю мины.
Разрыв —
и лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.

Я должен сказать тут, что это стихотворение было знаменательным для всей нашей поэзии о войне. Мы как-то внезапно увидели, как правдиво можно писать о войне. И, должно быть, влияние его сказалось на лучших стихах молодых поэтов...

И это при том, что были Симонов и Сурков! Я говорю о лирике.

Так я с ним и познакомился... Ходил по этим изрытым фугасом, запорошенным снегом и холмам, падал, когда рвалась мина, и, оглядываясь на звук пропевшей пули, повторял:

— Не кажется, что я магнит!

И вроде бы было веселее. Слово уже было найдено! Всему тому, чему трудно было найти выражение.

Может быть, для юношни, для его сверстников, для поэтов его поколения, для тех, кто посещал литературные аудитории в Москве перед войной, — может быть, для их биографии стихи эти не имели такого значения.

Но я говорю только о себе. Я ушел на войну из десятилетнего, из небольшого городка в Предуралье, и в мой солдатский ранец поэзия явилась на фронте.

Но, думаю, не для меня одного так необходимо было появление поэта Гудзенко.

Он всех нас открыл.

Когда на совещание молодых мы съехались в Москву, нас было уже двести человек. Мы появились как-то все сразу, мы вваливались целой гурьбой. Сдержать нас было трудно.

Он для меня так и остался первым в поколении.

Когда мы вернулись с войны, молодых поэтов было уже много... Были и Орлов, и Межиров, и Друнина, которых тоже знали уже. И, конечно, Недогонов, Наровчатов, Максимов. Они появились после и одновременно, многие даже раньше. Я рассказываю здесь, как это было для меня.

Но тогда, на войне, я прочел только эти несколько стихотворений по случайно попавшей на фронт книжки журнала.

«Однополчан» его там, на фронте, в условиях переднего края, я, конечно, прочитать не мог, как и многое другое. Как и первые стихи, уже появившиеся в журналах молодых, статьи о них — о молодых, вернувшихся с войны, — я прочитать не мог. Я это все прочитал, когда сам вернулся с фронта, только зимой сорок пятого года. Может быть, даже в сорок шестом. С полустанка, на котором я тогда жил, я поехал в город.

Я получил эту его первую книжку в читальном зале библиотеки и долго искал свободный, незанятый стул. Она оказалась маленькой, тоненькой. В ней было менее двух десятков стихотворений.

Конечно, я их все помню.

Тяжелый шаг
нам будто пыль дороги
колотит стопудовым колуном.
И это:
Пепел костров
и пепел волос —
это солдатских ночевий следы.

За месяц или полтора до совещания, которому суждено было сыграть такую непредвиденно большую роль в судьбе молодого поколения поэтов, я проезжал через Москву. И со смелостью, свойственной молодости, смелостью, которой тогда, после возвращения и победы, у нас было больше, позвонил Антокольскому.

Все тот же Антокольский — он, а не кто другой, снабдил меня записной к дежурному в ЦДЛ, в которой просил пропустить меня на собрание секции поэтов. Собрания никакого не было, но меня пропустили.

Так вышло, что в первую же минуту я познакомился с Лукониным.

Я ведь был в гимнастерке, я ему нетрудно было узнать во мне одного из вернувшихся. Первое, что я сделал, — я спросил его о Гудзенко, и, взяв меня за руку, Миша подвел меня к высокому, рослому парню, который стоял на ступеньках лестницы. Помню, что был он в сапогах.

— Ну поцелуем, старшой (я был старший лейтенант), повитаемся, — сказал тот очень громогласно, хотя я не успел еще его рассмотреть.

Мы уселись за один из столиков. Сколько раз мы за ними сидели! И с ним, и все вместе. Все, сколько нас было! Никогда уже это не повторится. Едва мы сели, я стал ему читать. (Откуда смелость бралась!) Они похвалили, переглянулись, опять переглянулись. И Луконин также похвалил. И сразу я почувствовал себя младшим, и у меня это потом надолго осталось. С Гудзенко мне было проще: мы ведь были давно знакомы!

Я помню заключительное заседание совещания молодых. Перед этим в печати Гудзенко ругали. Ругалось даже «Я был пехотой в поле чистом...». Но особенно ополчались на всех раздражившие строки «В каких я замках ночевал, мечтать вам и мечтать!».

— Не надо устраивать хиханьки да хаханьки по слишком серьезным поводам, — помню, он сказал.

Я видел, что ему очень горько.

Я уехал, стал переключаться на мирные темы, как нам было сказано. Довольно решительно нас переключали на эти мирные темы... Я вернулся в Крым, работал, собирал литературное объединение. Перед самым приездом, перед счастливым месяцем, проведенным им в Крыму, он писал мне. Я получил открытку, в ней говорилось: «Хорошо, что наша молодость поможет своего полпреда в Крыму».

И самую первую рецензию на свою книгу я получил тоже от него. Очень быстро, едва книга вышла, он о ней написал.

Все это я помню.

И как его хоронили я тоже помню. Но об этом я не пишу здесь. Перед смертью он писал, как врачи высаживались, спасали, вытаскивая его с того света.

И даже уже с той даты прошло много лет.

Отчетливо все помню: раньше, чем я услышал его стихи, я знал уже о нем самом.

Теперь все становится на свои места. И наш путь, и наше не забалованное судьбой поколение. И то, как мы сидели в мокрых, похожих на стойла блиндажах и землянках, читали его стихи.

И будет порох словом заменен.

Тогда мы еще не понимали, как это хорошо!

Лермонтовское

Георгий ПАПЕТВАРИДЗЕ

Молодой человек после окончания Литературного педагогического института учит деревенскую детвору в одном из грузинских селений. Война, 41-й... Георгий едет на фронт. В перерывах между боями он пишет стихи, рассказы, ведет дневник.

Поэтические строки, написанные четверть века назад, волнуют и сегодня подлинностью чувств, глубиной мысли, живописностью изображения. Горько думать, что человек, так страстно любивший жизнь и там тоже не чувствовавший, погиб.

Сегодня мы печатаем два стихотворения Г. Папетваридзе.

Их музыкой я с детства был
пленен,
И вам близки, наверно, эти
строки...
Три ночи сторожил я моря сон.
Я бодрствовал у моря одинокий —
Оно ж, дели и радость, и печаль,
Моим единомышленником было...
Мечтой моей летела чайка вдаль,
Стремилась вдаль, быстра и
легкокрыла,
Белела, словно паруса лоскут.
Из стран далеких ветром
занесенный.
И голоса рождались там и тут
В пучине моря — зов, и гнев, и
стоны.
И слышал дальних голосов
родство,
А моря гул был яростен, неистов...
О, если бы для паруса того
Хоть где-нибудь вдруг оказалась
пристань!
Так думал я — о, если б
где-нибудь
Укрылась лодка, спряталась от
шквала,
Чтоб скрылись тучи, чтоб
открылся путь,
Чтоб белый парус гибель
миновала!
Меня томит одна и тот же сон —
Я слышу моря стон, и зов, и
ярость...
В морской пучине, тучей осенен,
Белеет парус. Одинокий парус.

Вечер

Не ночь. Но и днем не назвать —
уже минул сроки.
Соломой шуршит ветерок,
незатейлив и прост.
Луна подымается нехотя
там, на востоке,
на небе лиловом
не видно нигде еще звезд.
Они запоздали...
И робко, в каком-то стесненье,
ждут света луны,
что им скажет:
— Зажгитесь — велю!
А белые тополи
на землю тонкие тени
бросают,
начались,
как будто они — но хмелю...

Перевела с грузинского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

ПОХОДНЫЕ БУДНИ

Лейтенант А. Паучков прошел с армией путь от Москвы до австрийского города Марияцелль. Он был командиром минометного взвода. Каждую свободную минуту трудной солдатской жизни он проводил любимому занятию — рисовал, рисовал, положив альбом на колено, на бруствер окопа, на крыло грузовика. В его фронтовом альбоме запечатлены друзья-однополчане, в нем можно найти зарисовки многих стран, которые прошел с армией лейтенант Паучков.

Минометный взвод на огневой позиции.

Воронеж. 1941 г. Расставание.

Я — «Звезда»... Я — «Звезда»...

Болгария. 1944 г. Глашатай.

Вызывали солдат.

Румыния. г. Констанца. У памятника Овидию.

Венгрия. После боя.

К СЪЕЗДУ ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛОРУССИИ

ВСЕГДА В ПУТИ

Евг. МОЗОЛЬКОВ

Не так то просто в газетных заметках охватить все особенности развития белорусской литературы за последние семь лет — между IV и V съездами писателей республики. За эти годы появилось немало интересных, талантливых произведений, наиболее популярные книги белорусских авторов переведены на русский язык и языки братских народов. Такие книги, как «Сердце на ладони» Ивана Шамякина, «Полесская хроника» Ивана Мележа, «Птицы и гнезда» Я. Брыля, роман «Сосна при дороге» Ивана Науменко, «Третья ракета» и «Альпийская баллада» В. Быкова, нашли живой отклик в читательских сердцах. Я понимаю, что перечисление не лучший метод разговора о литературе, но считаю необходимым назвать и роман А. Чернышевича «Застенок Малиновка», «На пороге будущего» М. Лобана, «Немири кровавые берега» В. Карпова, повесть И. Пташникова «Тонва», «Средиборье» Ф. Пестрака, «Обжитый угол» и «Огненныйазимут» А. Ольшевского, «Колас рассказывает о себе» М. Лужанина.

Творческая «продуктивность» белорусских писателей за семь лет позволяет не только расширить список, но говорить о росте литературы. Постараюсь в разнообразии творческих исканий, богатстве тем и проблематики белорусской прозы выделить некоторые, на мой взгляд, главные, решающие тенденции.

Рассматривая сегодняшнюю белорусскую прозу, с удовлетворением видишь, с какой горячей заинтересованностью обращаются художники слова к важнейшим, узловым этапам истории народа. События первой в России революции 1905—1907 годов, героика Октябрьских боев и гражданская война, годы великого перелома в жизни и психологии крестьянина — коллективизация, Великая Отечественная война... Раскрытие во всей достоверной реальности этих грандиозных событий и мужественных характеров героев времени — активных и убежденных творцов нового общества — требует от писателя подлинного горения, идейной убежденности, партийной страстности, серьезного мастерства.

Жизнь народная на крутых переломах истории гнит для писателя возможность яркого и сильного показать судьбы людей, их гражданственную устремленность, рост самосознания. Хочется добрым словом упомянуть роман Миколы Лобана «На пороге будущего» о Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне в Белоруссии. Роман Лобана вращается мне тем, что в нем есть художническая свежесть, живое дыхание эпохи, сильные, своеобразные человеческие характеры, острый, увлекательный сюжет. Деревня Нескроши, в которой главным образом развиваются события, действительно белорусская, и предстает она перед нами очень зримо. впечатляюще. С подлинно революционных позиций автор воссоздает героическую борьбу белорусских рабочих и крестьян за Советскую власть.

Серьезное слово о колхозном строительстве в Белоруссии — о коллективизации — сказал своим новым произведением «Дыхание грозы» Иван Мележ. Это художественное исследование переломного периода в жизни народа, периода, оказавшего решающее влияние на дальнейшую историю страны, формирование новой психологии, нового мира крестьянина. К сожалению, к этому великому переустройству судеб порой примазывались карьеристы, пытавшиеся сыграть на революционных настроениях масс и лично подняться повыше на гребне бурной созидательной волны. Эти люди нередко больше всех кричали и кричали, торопили развитие событий, из кожи лезли вон, чтобы доказать свою «архиреволюционность». Достоинством романа И. Мележа является, на мой взгляд, то обстоятельство, что автор не склонен объяснять отдельные недостатки в проведении коллективизации чьей-то таинственной злой волей. Он старается осмыслить, понять и объяснить особенности времени, трудности эпохи, которую нельзя механически судить. Хома законы сегодняшнего дня, хотя в отдельных местах автор романа все же не сумел, как мне кажется, полностью избежать известного «водовления» при изображении недавнего прошлого.

Отрадный решающие этапы в жизни народа, белорусские прозаики в лучших произведениях радуют проникновением в сущность событий, углубленным вниманием к морально-этическим проблемам. Вот, например, роман И. Науменко «Сосна при дороге».

Среди тех, кто остался на оккупированной фашистами территории, были, пусть одиночки, но все-таки были, люди, которые по тем или иным причинам пытались стоять в стороне от борьбы, «переждать», «пересидеть» войну в укромном уголке. Но логика событий и характер борьбы были таковы, что этот внутренний «нейтралитет» оказывался полностью несостоятельным... Житель местечка обрусевший немец Крамер пользовался репутацией «хорошего человека». Он честно работал на советском предприятии, хорошо, по-добросердечный жил с местечковцами. Когда во время оккупации немцы предложили ему стать бургомистром, он вначале растерялся, в нем даже поднялась буря протеста. Но потом Крамер убедил себя, что, пользуясь такой острой борьбы стоять над схваткой, находиться одновременно по обе стороны баррикад? Науменко ясно обнажает превращение «нейтралиста» Крамера сначала в приверженца, а затем в подлого капитулянта, который становится настоящим палачом, не за страх, а за совесть служит фашистам.

В этом романе привлекает умение показать характер природу и психологических явлений, которые порождают «теорию» и практику антигуманизма, человеконенавистничества, страшной разновидностью которого явился фашизм. В романе есть глубокий философский подтекст, заставляющий читателя о многом задуматься, по-новому посмотреть на многие явления прошлого и настоящего мира, — в этом актуальность книги.

Писательский интерес к острым проблемам времени, к исследованию природы истинного гуманизма — вдохновенного, борющегося за человека, а не мягкотелого, прекраснодушного псевдогуманизма — отличает лучшие произведения белорусских прозаиков. Интересен психологический роман Я. Брыля «Птицы и гнезда». Роман этот сложный, многоплановый, с разветвленным сюжетом. Я бы хотел отметить один аспект этого романа — писатель показывает объективщину, затхлое мещанство незаконного бюргерства, которое в определенной социальной ситуации стало питательной средой для произрастания фашизма. Столкновение главного героя романа Алеся Рунвейча с представителями обюргерства острыми ему, полную опустошность, мракобесную бесчеловечность профашистскую лицемерие. Неприятие мира зла и борьба против него проявились движение героя к цельности, душевной чистоте, гражданской зрелости.

Сила, активность писательской индивидуальности проявляются прежде всего в живом, реальном художественном образе. Белорусские писатели стремятся к созданию характеров сильных, глубоких, образов людей идейно ярких, светлых. В этом отношении интересно произведение Ивана Шамякина «Сердце на ладони». В романе выведен живой, не лубочный образ положительного героя. Доктор Ярош предстает перед нами отнюдь не этакой «цельнометаллической конструкцией», где нет места недостаткам или человеческим слабостям. Писатель в нелегкой ситуации — Ярош и его друг журналист Шикович боролись за восстановление доброго имени врача, партизана, незаслуженно обвиненного в предательстве, — показал горячую патриотическую убежденность Яроша, его партийную принципиальность, умение в нужный момент сконцентрировать все силы, недюжинные способности, чтобы выполнить гражданский долг, отдать всего себя большому делу самоотверженной, праведной борьбы за счастье и честь единомышленника, товарища.

Упорно, целеустремленно решают писатели Белоруссии важнейшую задачу создания героического образа человека наших дней. Убедительные примеры тому можно найти в романах Ф. Пестрака, И. Науменко, А. Чернышевича, М. Лобана, В. «Полесской хронике» И. Мележа привлекают яркие, самобытные, без поверхностного этнографизма, подлинно национальные образы Ганны Чернушки, колхозного вожака Миканора, председателя волостного ревкома Апейки. Образ положительного героя в современной белорусской прозе, продолжающей добрые традиции многонационального советского искусства, далек от иконописности.

Эти творческие достижения не могли бы возникнуть на пустом месте, бы многое, чтобы сказался и опыт всей нашей советской романистики. И мне кажутся безосновательными попытки некоторых критиков перечеркнуть, например, в литературе 40-х — первой половины 50-х годов образ положительного героя. Аргументация по меньшей мере наивная и необъективная, — мол, образы положительных героев в это время конструировались по упрощенной стандартной схеме. Борясь против «стандартов», не приходит ли они сами к «теоретическим» стандартам?

Говоря о несомненном росте белорусской прозы, мы далеки от того, чтобы рассматривать происходящие в ней процессы как ровное, равномерное восхождение к новым и новым высотам. Так, при всех достижениях белорусских писателей в жанре рассказа здесь можно назвать имена, например, Я. Скрыгана, Б. Сачанко, М. Лупелкова, М. Стрельцова, Н. Чигринова — мы не можем найти сейчас произведения, равные по своей идейно-художественной силе рассказам Янки Брыля и Галя». «Надыма на срубе», очерку «Сердце коммуниста».

Миллионы читателей узнали и полюбили белорусскую литературу как литературу глубоко народную, боевую, патриотическую. Еще до революции Максим Горький назвал творчество Янки Купалы и Якуба Коласа поистине народным. В годы Великой Отечественной войны мне приходилось не раз наблюдать, с каким глубоким, трепетным волнением читали советские люди стихи Аркадия Кулешова, Максима Танка, Петруся Бровки, Пимена Панченко. Всю страну облетело стихотворение Янки Купалы «Белорусским партизанам». Разве это не высшая награда для поэта, писателя?

В лучших произведениях белорусской прозы живут и развиваются драгоценные традиции народности, коммунистической идейности.

Вот почему особенно досадно, когда вдруг столкнешься с отступлением от столь дорогих для советской литературы традиций. Да еще в творчестве писателя талантливого, уже известного своим ярким словом. Я говорю о повести В. Быкова «Мертвым не больно».

Думаю, что я не погрешу против истины, если выскажу такое мнение: зрителю еще по-прежнему вопросу. При всем тематическом разнообразии белорусской литературы одной теме по-прежнему не «везет» в Белоруссии. Жизнь рабочего класса, индустриальная Белоруссия все еще не получила достойное, художественно яркое воплощения в произведениях писателей республики. Это не значит, что тема предана забвению, — нет, к ней обращались А. Кулаковский, В. Карпов, А. Савицкий. Но это мало, очень мало. Здесь, видимо, сказывается известная инерция художественной мысли. Сельский пейзаж, земледельческий труд давно стали достоянием поэзии, опоэтизированы.

Нужно научиться добывать поэзию на материала городской, индустриальной жизни, смелее обращаться к темам рабочего класса, промышленного строительства. К сожалению, этот упрек остается в силе и в настоящее время. Его можно с полным правом отнести, конечно, не только к белорусской литературе. Но и к ней тоже!

Лучшие произведения белорусской прозы последних лет говорят нам, что она развивается интенсивно, что писатели Советской Белоруссии приходят к своему пятому съезду с новыми значительными достижениями. На съезде состоится большой и, полагаю, подлинно принципиальный творческий разговор о «плюсах» и «минусах» литературы республики. Самокритичность и взыскательность залог дальнейшего роста литературы, непрестанного ее движения.

НЕМЕРКНУЩИЙ ПОДВИГ НАРОДА-ГЕРОЯ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Почти 25 лет разрабатывается в литературе тема минувшей войны. Это время отмечено интересными поисками. Характерно все более обостренное внимание писателей к человеку: духовному миру воина, формированию его нравственного облика. Были на этом пути и свои потери. Но вряд ли кто возьмет на себя смелость заявить, что военная тема исчерпана. Новые повести, романы, появившиеся в последние годы,— свидетельство стремления писателей сказать новое слово, аналитически осмыслить войну, всесторонне и глубоко использовать общественный художественный опыт советской литературы.

С благодарностью советские воины оценивают труд писателей, творчество которых проходит под знаком высоких требований народа. С интересом и пользой для себя они встречаются с героями произведений на военно-патриотическую тему, в том числе с героями книг последних лет — «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Как кончаются войны» В. Субботина, «Танки идут ровным» А. Анашкина, «Цвет пепла» В. Кожевникова, «Ранний снег» О. Кожуховой, «Человек и оружие» О. Гончара, «Партизаны» А. Адамовича, «Дом и корабль» А. Крона и многими другими. Отрадно также отметить обращение ряда писателей, в частности В. Кочетова, А. Кривицкого, А. Штейна, Г. Холопова, к воспоминаниям фронтовых лет, появление серьезных литературоведческих и критических работ, исследующих опыт военно-патриотической литературы.

Достижения отечественной литературы о минувшей войне очевидны и неоспоримы. Но достигнутая ныне зрелость художественного мышления позволяет писателям еще глубже подойти к исследованию боевого прошлого, философски осмыслить его, обогатить средства художественного воплощения. Ведь откровенный разговор с писателями, нельзя обойти молчанием некоторые тревожные стороны и отдельные ошибочные тенденции, которые проявляющиеся в литературной практике.

Хочет или не хочет того автор, но в своих произведениях на военно-историческую тему он всегда выступает в как ученый, и как историк и поэтому должен ясно представлять, какую ответственность берет на себя. Глубокое научное освоение исторического материала — первая и необходимая стадия работы.

Однако в некоторых случаях анализ сложных явлений войны подменяется односторонним субъективным взглядом художника, который не сумел познать общие закономерности и тенденции развития. В этом случае ведущие факты, искусственно вырванные из цепи событий, не создают широкую и правдивую картину времени.

Скажем прямо, отдельные авторы никак не могут отрешиться от нагнетания мрачных картин начала войны. При этом внимание читателей сосредоточивается только на фактах отступления наших войск, неразберихи, отсутствия должного организующего начала на отдельных участках и т. д. Если было только это, то у читателя неизбежно возникает и не получает ответа такой вопрос: как же могла Красная Армия в таком случае уже в первые месяцы войны развеять миф о непобедимости гитлеровской армии, сорвать ее план молниеносной войны?

Следует при этом отметить, что односторонность в оценке и анализе исторических явлений неизбежно приводит к обеднению жизненного материала и, объективно, к принижению героев борьбы. И действительно, в таких случаях мы встречаемся с героями мелких помыслов, лишенных четкой определенности, изолированных от большой жизни. Конечно, война неста несчастья, страдания, но не растерянность и инертность характеризовали наших воинов, а мужество, стойкость и героизм. Для нашей армии характерны такие люди, как Александр Матросов, Алексей Маресьев, защитники Брестской крепости, рядовые Ивановы, Петровы, сильные духом, глубоко осознающие свое место в общей борьбе.

Хотелось, чтобы в книгах о войне глубже раскрывался и замечательный боевой опыт армии и ее костяка — командно-политического состава. В целом ряде произведений в образах командиров читатель ощущает чистоту их морального облика, высоту профессиональных качеств. Вряд ли забудется такие герои книг, как генерал Панфилов, командир роты Бриндин, комбат Рябинин, генерал Серпилин, раскрытые в широком плане, в динамике роста. Однако еще редко исследуется непосредственно военная деятельность командира полка или командующего фронтом, практическая работа военачальника.

Война как объект художественного исследования требует глубокого историзма, марксистско-ленинского анализа и на его основе художественного оброщения, высоты видения автора, его классовой позиции. Совершенно очевидно, что тема вооруженной защиты социалистического Отечества может быть успешно решена только как тема **героическая,** ибо в этом сама правда жизни. И всякий отход от этой правды ведет к неудаче писателя, а значит, и к снижению общественной ценности его труда.

Прямо скажем, даже малейшие искажения правды о нашей справедливой и героической войне с фашизмом не только отрицательно воздействуют на читателя, особенно на часть нашей молодежи, но и используются империалистической пропагандой для борьбы с нами.

С другой стороны, произведения, достойно отражающие всенародную борьбу с врагом и утверждающие высокие идеалы коммунизма, впечатляюще доносят до молодежи славу старшего поколения, формируют у нее высокие патриотические чувства, активно участвуют в разоблачении новых зачинщиков войны. И не случайно лучшие книги о Великой Отечественной войне находятся у нас на «вооружении» как грозное и вечно действующее боевое оружие.

Наряду с глубоким отображением событий минувшей войны одной из важных задач советской литературы является воплощение в художественных образах современной жизни, боевой учебы армии и флота.

К сожалению, еще мало свежих, по-новому написанных книг, в которых ярко и сильно были бы отражены важнейшие явления нынешней жизни Вооруженных Сил. Хотелось бы отметить положительный опыт Георгия Березко, Аркадия Первенцева и некоторых других писателей, тесно связанных с нашей армией,—опыт, который, увы, не получил еще широкого развития. Надеемся, что наши друзья-писатели всерьез задумаются над тем, почему в нашей литературе еще не удалось создать значительные образы солдат, матросов, офицеров, генералов сегодняшних дней, которые можно было поставить в ряд с героями лучших книг о минувшей войне. Не потому ли это происходит, что некоторые литераторы порой пренебрежительно относятся к характер современника, недостаточно глубоко изучают ведущие тенденции развития нашей армии? А в результате в некоторых произведениях, посвященных сегодняшней армии, представляются обтекаемые, однолинейные решения, да и сами характеры не возвышаются над обыденностью. Сложность художественного исследования становления воина-гражданина, высота и значительность его ратной службы в некоторых произведениях подменяются порой скоропись, иллюстративностью, дидактикой...

Нелегкая, но почетная служба советского солдата — защитника нашей социалистической Отчизны, стража мира, солдата-интернационалиста — должна найти яркое воплощение в литературе. В этом мы видим одну из важных задач советского писателя-гражданина. Одним словом, в новых произведениях, посвященных современной жизни наших Вооруженных Сил, хотелось бы увидеть героев, достойных подражания. А таких героев в нашей армейской и флотской жизни немало. Ведь каждый день мы узнаем о все новых и новых подвигах космонавтов, подводников, летчиков-испытателей, ракетчиков, пограничников, наших пижнеиеров и техников — людей высокого мужества, цельных, внутренне богатых, воплощающих характеры наших современников.

Мы понимаем всю сложность задачи художественного отображения нашего современника, но решать ее необходимо. Сила нашей литературы — в глубочайшей связи с жизнью. А боевая служба наших воинов — одна из важнейших сторон общественной деятельности советского человека.

Советские воины преисполнены уверенностью, что исторические решения XXIII съезда партии, его животворные идеи, предстоящие большие даты нашей истории — 50-летие Великого Октября и Советских Вооруженных Сил, 100-летие со дня рождения В. И. Ленина—дадут писателям мощный стимул для новых творческих достижений во славу социалистической Родины.

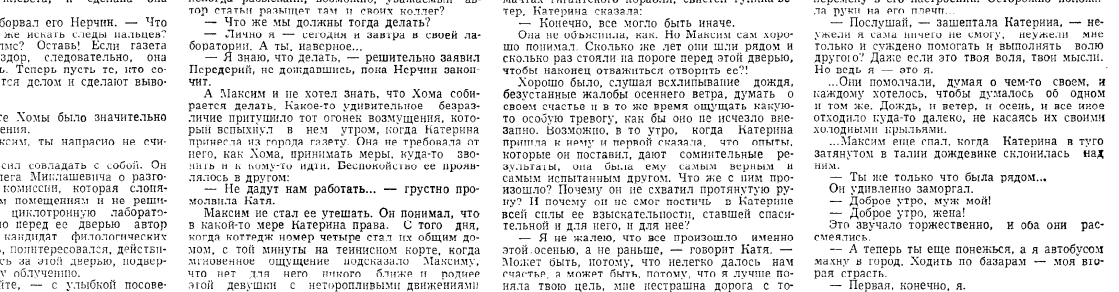
ПО-НОВОМУ ЗВУЧАТ СЛАВНЫЕ ФРОНТОВЫЕ ПЕСНИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ В КАННАХ ОТКРЫЛСЯ

В торжественной обстановке 5 мая открылся в Каннах 20-й юбилейный международный кинофестиваль. На рассмотрение международного жюри под председательством известной итальянской киноактрисы Софи Лорен представлут 38 фильмов из 20 стран мира. Среди участников Каннского фестиваля — СССР, Англия, Франция, США, Венгрия, Болгария, Польша, Италия, Чехословакия и другие страны.

Советская кинематография представлена в Каннах фильмом «Ленин в Польше», созданным совместно с польскими работниками кино.

Фестиваль продлится до 21 мая.



ВЕЧЕР НА РЕЙДЕ
...Спокойте, друзья, ведь завтра в поход.
Уйдем в предрассветный туман...

ПЕСНЯ О ДНЕПРЕ
...Ой, Днипро, Днипро, ты широк, могуч,
Над тобой летят журавли...

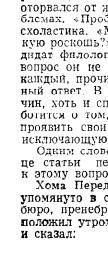
В ЗЕМЛЯНКЕ
...И пот мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

Рисунки художника Е. ВЕДЕРНИКОВА

БЕСПОКОЙНЫЙ МЕРИДИАН

Натан РЫБАК

Отрывок из романа «Солдаты без мундиров»



«Солдаты без мундиров — роман о людях, боровшихся за то, чтобы энергия атома служила добру, а не злу. Герои романа Максим Нерчин, с которым читатель знакомится в предлагаемом отрывке, — директор научно-исследовательского института, талантливый ученый. Действие романа происходит в послевоенные годы, охватывая период с 1946 года до наших дней.

Этой книгой, выходящей сейчас в издательстве «Радянськ письменник», завершается трилогия Натана Рыбака «Пора надежд и свершений».

На меридиане спокойствия покоя не было. В «Лесниковой звезде» появилась статья, где говорилось, что в руководимом М. П. Нерчиным институте создалась атмосфера, свидетельствующая о том, что коллектив оторвался от жизни и погряз в надуманных проблемах. «Проблемы» эти — обыкновеннейшая схоластика. «Можем ли мы позволить себе такую роскошь?» — спрашивал автор статьи кандидат филологических наук Розенко. Ответа на вопрос он не давал. Следовало ожидать, что каждый, прочитав статью, сам даст отрицательный ответ. В статье еще отмечалось, что Нерчин, хоть и способный ученый, однако мало заботится о том, чтобы дать возможность другим проявить свои способности, создает атмосферу, исключающую критику и самокритику.

Одним словом, автор и газета, которая в конце статьи петитом пообещала возвратиться к этому вопросу, были тревогу.

Хома Передерий, имя которого тоже было упомянуто в статье как секретаря партийного бюро, прочитавшего своим коллегам обязанностями, положил утром номер газеты перед Максимом и сказал:

— Читай!

— А я уже прочитал.

Максим отодвинул газету, угрюмо и пытливо посмотрев на Хому.

— Когда же ты успел?

Был только девятый час. Почту приносили в десять. Где же Нерчин раздобыл газету? Казалось, только это и беспокоит Хому.

—Катя была в городе и принесла. Видишь, как полезно, когда жена, кандидат наук, иногда ездит на базар, — объяснил Нерчин.

— Шутишь, — с укором сказал Передерий. — Я на твоем месте позвонил бы Гайдачку. Это же явная клевета, и сделана она руками.

— Помолчи, — оборвал его Нерчин. — Что это за манера сразу же искать следы пальцев? Ты что, Шерлок Холмс? Оставь! Если газета напечатала этот вздор, следовательно, она с кем-то советовалась. Теперь пусть те, кто советовал, заинтересуются делом и сделают выводы. Ты испугался?

— Я?

Удивления в ответе Хомы было значительно меньше, чем возмущения.

— Послушай, Максим, ты напрасно не считаешься с фактами.

У Хомы не было сил совладать с собой. Он напомнил рассказ Олега Миклашевича о разговоре с Долгиным, о комиссии, которая сложилась по институтским помещениям и не решилась зайти только в циклотронную лабораторию. Это ведь именно перед ее дверью автор статьи, тот самый кандидат филологических наук, всполошившись, поинтересовался, действительно ли, оказавшись за этой дверью, подвергаешься безусловному облучению.

— А вы попробуйте, — с улыбкой посоветовал ему тогда Хома.

Знать бы, что этот самый Розенко собирался писать такое произведение! Ясно, что Долгин поставил перед собой цель выбить их из равновесия, как они выбивают нейтроны из ядра.

Максим выслушал Хому, и тот понял, что Нерчин никуда не позвонит и никуда не пойдет. Даже этот глупый намек в статье на то, что научному сотруднику Г. Золотареву, незаконно, по мнению прокурора, создается особая благосклонность со стороны руководителя института, и она имеет возможность бросать работу и ездить в Киев, когда ей вздумается, тоже как будто не возмутил Максима.

— Ты что, прикидываешь, будто в самом деле неуязвим для критики?

Хома смотрел от негодования.

— А разве это критика, товарищ Передерий? — спокойно спросил Максим. — Что общего все это имеет с критикой? — Нерчин тянул рукой в расстеленную перед ним газету.

— Но ведь люди будут читать и поверят, — настаивал Хома.

— Возможно, — согласился Нерчин, — но здесь все слишком мелко... Люди, которые хотят разыскать зерно правды, поймут: в этой писанине ее нет.

— Ну, знаешь ли, ты рассуждаешь так, словно живешь на Марсе, а не на Земле.

— А Земля — тоже планета, — сказал Нерчин. — И можно ли быть уверенным, что на Марсе нет критики? Ведь каналы астрономы некогда разыскали, возможно, уважаемый автор статьи разыщет там и своих коллег?

— Что же мы должны тогда делать?

— Лично я — сегодня и завтра в своей лаборатории. А ты, наверное...

— Я знаю, что делать, — решительно заявил Передерий, не дождавшись, пока Нерчин закончит.

А Максим и не хотел знать, что Хома собирается делать. Какое-то удивительное безразличие притушило тот огонек возмущения, который вспыхнул в нем утром, когда Катерина принесла из города газету. Она не требовала от него, как Хома, принимать меры, куда-то звонить и что-то идти. Беспокойство ее проявлялось в другом:

— Не дадут нам работать... — грустно промолвила Катя.

Максим не стал ее утешать. Он понимал, что в какой-то мере Катерина права. С того дня, когда коттедж изменил мир ее прежних домом, с той минуты на теннисном корте, когда мгновенное ощущение подсказало Максиму, что нет для него никого ближе и роднее этой девушки с неторопливыми движениями сильных и сильных рук, — все стало казаться иным.

Сколько потеряно дней, месяцев?! Почему и зачем? Эти мысли не давали покоя Нерчину, когда утром, возвратившись в Десняск, за несколько дней перед появлением в местной газете злополучной статьи, он следил украдкой, как Катя хозяйничала. В ее руках все обновлялось и теплело.

— Где ты была раньше, девушка? — спросил Максим с нежностью.

Длинные ресницы притушили радостные огоньки в голубых Катиных глазах.

— В странствиях, —"пошутила она.

Нет! Наверное, надо было пройти через все невзгоды, через противоречия, через стену, которую сам старательно возводил перед собой, чтобы прозреть и увидеть Катерину и убедиться, что без нее нельзя, никак нельзя.

На меридиане спокойствия по этому поводу разговоров было немало. Передерий, явившийся вечером с бутылкой вина, свое заключение изложил без всякого вступления:

— Давно бы так!

И вино выпили сам. Пришел Ярмола, Кряхтя и жалуясь на то, что поясницу ломит, вдруг сообщил:

— Написал Федору Архиповичу, чтоб поздравил вас. Вы-то и не сообразили, что следовало бы учителя порадовать...

...Ночью, когда дождь всхлипывал в водосточных трубах, а в высоких соснах, словно в мачтах гигантского корабля, свистел гуляка-ветер, Катерина сказала:

— Конечно, все могло быть иначе.

Она не объяснила, как. Но Максим сам хорошо понимал. Сколько же лет они шли рядом и сколько раз стояли на пороге перед этой дверью, чтобы наконец отважиться отворить ее?!

Хорошо было, слушая всхлипывание дождя, безустанные жалобы осеннего ветра, думать о своем счастье и в то же время ощущать какую-то особую тревогу, как бы оно не исчезло внезапно. Возможно, в то утро, когда Катерина принесла из города газету. Она не требовала от него, как Хома, принимать меры, куда-то звонить и что-то идти. Беспокойство ее проявлялось в другом:

— Ты хочешь уехать? — испугался Максим.

— Глупый, — засмеялась Катерина, — просто я хочу перейти в лабораторию Ярмолы.

—А почему? Ты не хочешь работать со мной?

Он сразу понял, что спрашивать об этом не стоило.

— Я не стану принуждать тебя... Я понимаю. Ты хочешь идти одна, потому что хочешь поверить в себя, в свое призвание. Но подумай, разве нам вдвоем не будет легче...

— Тебе — да. Но не мне, не мне, — произнесла она дважды с такой решимостью, что Максим обиженно замолк. И она почувствовала перемену в настроении. Осторожно положила руки на его плечи.

— Послушай, — зашептала Катерина, — неужели я сама ничего не смогу, неужели мне только и суждено помогать и выполнять волю другого? Даже если это твоя воля, твои мысли. Но ведь я — это я.

...Они помолчали, думая о чем-то своем, и каждому хотелось, чтобы думалось об одном и том же. Дождь, и ветер, и осень, и все иное отходило куда-то далеко, не касаясь их своими холодными крыльями.

...Максим еще спал, когда Катерина в туго затянутом в талии дождевике склонилась над ним.

— Ты же только что была рядом...

Он удивленно заморгал.

— Доброе утро, муж мой!

— Доброе утро, жена!

Это звучало торжественно, и оба они рассмеялись.

— А теперь ты еще поешься, а я автобусом махну в город. Ходить по базарам — моя вторая страсть.

— Первая, конечно, я.

— Самоуверенность не украшает докторов наук, даже если кое-кто их любит...

А ровно через час, когда он прибрал в доме и клокочущий пар рвался из блестящего серебристого чайника, возвратилась Катерина и привезла газету.

— Не дадут нам спокойно работать, — сказала она, когда Максим прочитал статью.

Было горько и смешно. В жизнь вырвалось что-то чрезвычайно подлое. В таких случаях профессор Ярмола любил повторять французскую поговорку: «Такова жизнь!»

Нет, не такова. И не может она быть такой.

Авторизованный перевод с украинского.

Литературная газета
№ 54
9 мая
1966 г.
3 стр.

«РЕСПУБЛИКА НУЖНА ВСЕМ!»

Борис КРЫМОВ

НЕЗАДОЛГО до сегодняшнего праздника Победы в одном из кабачков близ западногерманского города Брауншвейга собрались любители выпить пива и потанцевать. Музыкальный автомат — box — сыграл очередную пластинку, и из динамика понеслись звуки джаза и слова сентиментальной песенки о друге, который нежно, но за что на про что, погиб во время войны. Пригубив пивка, тот же бывшему офицеру гитлеровской армии показалось, что песенка эта оскорбляет лучшие чувства «храбрых германских воинов». Когда хозяин кабачка отказался выполнить его требование и выбросить пластинку, «отважный» вояка разбил стекло бокса, вытащил злополучную пластинку и растоптал ее. Публика зааплодировала. Но к «герою» подошел полицейский, положил руку на его плечо и сказал:

— Как представитель власти и как председатель местного солдатского союза одолжаю за поведение, достойное нашего великого отечества...

Рассказав об этом случае в западногерманской печати, полковник в отставке Рудольф Бёмлер призывает всех «честных немцев» бойкотировать лавки, заведения, где будет обнаружена «оскорбительная» пластинка, писать угрожающие письма фирме, которая ее выпустила. «Мы **не можем** дальше молчать — мы **должны** действовать», — заявляет нацистский полковник.

Журнал «Национ Эуропа» дает советы, как надо действовать, и разъясняет «ближайшие цели» тем реваншистам, которых Бёмлер именует «честными немцами»: «Тотальная война — это борьба мировоззрений, это война, не знающая границ, во время которой речь пойдет не только (!) о защите чужой территории, но — для нас — о восстановлении порядка и спасении биологической субстанции».

Чем не язык нацистов?!

Итак, кое-что в Западной Германии встречает майские дни 1966 года в мечтах о новых захватах чужих территорий, об очищении «биологической субстанции». Да вспоминают ли гитлеровские последыши о прошлом? О том, как их громили советские войска? Надо думать, что не забыли, но о минувшей войне предпочитают вспоминать гласно лишь с совершенно определенной пропагандистской целью. Тот же журнал «Национ Эуропа» в статье, посвященной неисходимости насаждения «солдатского духа», подчеркивает «признанную всем миром высокую боевую мораль (?) и дисциплину германского вермахта во время второй мировой войны». Мюнхенский журнал «Квик» рассказывает о минувшей войне в аллаповатых картинках: в последних его номерах клеветнически изображены «русские офицеры» с автоматами в руках и ножами в зубах. И, конечно, же, если бы его подобали на это «некоторые англичане и американцы», потом «постыдно предавшие Германию».

Но оставим гитлеровских недобитков. В славную годовщину освобождения Германии от фашистского варварства наша память обращается к тем настоящим немецким патриотам, которые в страшные дни нацизма боролись за спасение своей родины. О многих подвигах мы уже знаем, многие нам неизвестны, а о некоторых, быть может, мы не узнаем никогда. Но герои эти жили, боролись и останутся навечно в памяти человечества, в памяти тех, кто строит социалистическую германскую республику, в памяти грядущих поколений.

ВОТ они, только что извлеченные из архива пожелтевшие папки. «Судебно-последственное дело Вилли Гренинга, приговор в 1906 году в Гельзенкирхене, посещал народную школу восемь лет, стал официантом. С 1932 по 1933 год был безработным. В конце 1933 года его подозревали в том, что его квартира служила местом встречи коммунистов». Прошли годы. И вот протокол суда — уже во время гитлеровской агрессии против Советского Союза. Обвиняемый рассказывал, что был на фронте в России, где убедился: кое-что в действительности выглядит иначе, чем расписывает немецкая пропаганда... Говорил о предсказанной революции. Ему принадлежат слова: «Германия все равно проиграет войну». Гренинг характеризует всю немецкую пропаганду как «обман». Выступает свидетель Иоганн Шнейдер: «Из высказываний Гренинга можно было понять, что он настроен антинемецки. Он утверждал, что большинство солдат придерживается такого же мнения». Свидетельница Шольц подтверждает: «Его антинемецкая сущность выражалась еще в следующем: однажды Гренинг со сжатыми кулаками подошел к портрету Гитлера и заявил, что в его квартире не может висеть этот портрет». Приговор: расстрел. Размашистая пометка: «Приговор приведен в исполнение 10.1.1944, в 13.00»...

Германская Демократическая Республика. Вечерний Берлин.

И еще одна судьба. Фельдфебель Генрих Белло родился в семье налогового инспектора, разделявшего взгляды национал-социалистской партии. Сам Генрих пять лет служил в «Гитлерюгенд», причем «его поведение было во всех отношениях безупречным». Награжден Железным крестом, медалью за «восточный поход» и значком за ранение. За что же попал под суд этот «храбрый воин», как вы, может быть, догадываетесь, юноша? Вот его высказывания, «застенографированные» добровольными пособниками гестапо: «Этот известный прусский милитаризм, который сделал нам еще со времен Фридриха Великого, ведет нас всегда к войнам. Германия не будет знать покоя до тех пор, пока не будет уничтожен милитаризм... Большевизм не представляет никакой опасности для немецкого народа, а случае с победы с нами ничего не случится: головы же Гитлера, Гергига, Геббельса покатятся. Это идет война не против немецкого народа, но против капитал-социалистского режима». «Такой дух должен быть вырван с корнем, — гласил приговор. — Людей с подобными настроениями надо уничтожать, так как они самые опасные враги народа». В июле сорок четвертого, через два месяца после расстрела, Генрих Белло был расстрелян. Он не увидел зари, занявшейся на востоке его родины...

КТО возьмется подсчитать, сколько немецких патриотов погибло в «тылу» — в концлагерях, в тюрьмах? У тех, кто становился добычей гестапо, почти не оставалось надежды вырваться на свободу. Почти, но не совсем. Мы вновь и вновь узнаем о случаях побегов антифашистов. Вот один из них.

Однажды на улицах Штеттина появились грозные предупреждения:

«ИЗВЕЩЕНИЕ

Бежали коммунистические руководители, 5000 марок в качестве вознаграждения тому, кто их поймает. Самое тяжкое наказание для тех, кто окажет беглецам помощь в какой бы то ни было форме».

Что же произошло? В тюрьме Альтдамм в числе прочих «государственных преступников» содержались товарищи Матери, Вегнель и Рецлафф, стоявшие во главе нелегальной антифашистской организации в Померании. Организация решила их освободить. Сложность мужества надо было иметь, какую проявить отвагу, чтобы предотвратить «всего» три препятствия: массивную дверь из камеры с двумя засовами и тяжелым замком, решетчатую дверь на этаже и решетку на одном из окон подвала.

Побег из тюрьмы Альтдамм подготовила и обеспечила подпольная организация. Побег был невозможен, если бы самую активную роль в нем не сыграл некто Томкевич, назначенный за «преданность начальству» и «надежность» старшим тюремным уборщиком (шальфаттером), а в действительности оказавшийся верным комсомольцем, который пожертвовал своей жизнью ради спасения товарищей. Наконец, побег осуществился. Но случайно, если бы бежавшим руководителям подпольной организации не помогали жители Штеттина, передававшие их на квартиры в квартиру, причем не только коммунисты, но и бывшие социал-демократы, и беспартийные немцы.

Несколько слов о тех, кто бежал тогда из тюрьмы Альтдамм. Все они после побега с удвоенной энергией включились в борьбу против гитлеризма. Своей благородной деятельности они не прекращают и поныне.

ОШИБЕТСЯ тот, кто подумает, будто их было немного, честных, мужественных людей, понимавших гибельность национал-социализма для немецкого народа, стремившихся покончить с коричневой чумой. Гитлер и его подручные полагали, что им удалось обольстить, если не весь народ, то подавляющее его большинство. Но вот перед мной письмо, присланное Ганной Еннке, жительницей города Дёбельн в Германской Демократической Республике. И приводиу его почти целиком, ибо оно самым убедительным образом отвечает на вопрос о том, кто же такие честные немцы.

«Отец мертв. И никто не может сказать, как он погиб. «Пропал без вести в Сталинграде» — лишь это лаконичное извещение пришло в наш. Тогда мне было всего 13 лет...

И все же разрешите мне поделиться скромными воспоминаниями об отце. Есть много антифашистов, которые расплатились неслыханными мучениями и самой жизнью за свои убеждения, наш же отец, как и многие гражданин нашей страны, память о них вдохновляет нас в борьбе против врагов. В сравнении с ними мой отец был всего лишь песчинкой, маленькой частицей в огромном механизме гитлеровского рейха. Когда я сегодня задаю себе вопрос, насколько убежденным приверженцем мой отец, то мне его взгляды представляются наиболее близкими и воззрениям социалистов-утопистов. Одно я знаю твердо — он не состоял ни в какой партии. Но так не твердо я знаю, что он боролся против национал-социализма всеми средствами, какие были в его распоряжении. Он был одиночкой, который не мог опереться на поддержку единомышленников. Он беседовал с людьми всякий раз, как только представлялся для этого случай. Я помню, как вся наша семья упрашивала его: будь осторожней, жаль себя тоже, ты всех нас ставишь под удар, а чего этим добьешься! Но он всякий раз возражал: «Вы хотите, чтобы мы затеяли войну? Чтобы они одурачили весь народ? Вот увидите, эта «раса господ» доведет нас до войны, будьте уверены!»

Семья предостерегала его не напрасно. Нацисты в самом деле арестовали отца. Но ему удалось вскоре вырваться на свободу — помог врач, выдавший справку о том, что у отца «функциональные нарушения мозговой деятельности».

Припомнаются и последние дни перед войной. Ее начала со страхом каждый наемный день. Мой отец чуть ли не открыто говорил: «Я не возьму в руки оружия ради блага этих врагов человечества». Часто он садился по вечерам с нами, детьми, и рассказывал, какое это преступление — война.

Я никогда не забуду, как отец повел меня на выставку «Советский рай». Эту выставку организовали в Берлине специально для того, чтобы возбудить ненависть к Советскому Союзу, чтобы «психологически подготовить» поход против страны коммунизма. Отец взял меня за руку, провел мимо всех экспонатов со словами: «Запомни это и никогда не верь подобным вещам. Это грубая, отвратительная клевета. Учись отличать ложь от правды». И еще он добавил: «Они никогда не поведут этот народ». Уже дорога домой он много рассказывал мне о величии людей, о красоте той страны, где навсегда изгнаны хозяева и эксплуататоры...

Отца призвали в армию, когда на горизонте уже явственно обозначилось поражение Германии. Мне навеки запало в душу прощание с отцом. Он утешал нас: «Война скоро кончится. Я помогу ускорить ее крах. Ваш отец никогда не сможет стать в ряды убийц. Наоборот, перейду к ним, как только смогу». А потом — исчезнет...

Таким был мой отец. Вряд ли его можно назвать выдающимся героем Сопротивления. Но он остался человеком, верным своим убеждениям, который сумел — в самом центре фашистского государства — воспитать своих детей в духе гуманизма и уважения к другим народам, который сумел им открыть глаза, научил видеть мир без масок. Я очень многим ему обязана!»

Сейчас Ганна Еннке, как и миллионы других трудящихся ГДР, активно участвует в строительстве социализма, в укреплении могущества первого в немецкой истории государства рабочих и крестьян.

Проезжая по дорогам ГДР, вы непременно не раз встретите плакаты и запоминающийся лозунг: «Все нужны республике — республика нужна всем». Ко дню освобождения от гитлеровского фашизма трудящиеся ГДР добились новых значительных успехов.

В беспримерной победе добра над злом есть заслуга и тех, чью память свято чтит все честные немцы.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАЗДНИКИ ГДР и ЧЕХОСЛОВАКИИ:

Единство, братство

Прошлое рассказывает...

Перекличка поэтов

Все наши планеты празднует день великой победы, день окончательного разгрома фашистских захватчиков.

Крушение гитлеровского рейха вызвало исторические перемены на немецкой земле. Вчера Германская Демократическая Республика, государство немецких рабочих и крестьян, отметила свой национальный праздник освобождения от фашизма. А сегодня радостно ликует Чехословакия — ее народ отмечает двадцать первую годовщину освобождения своей страны.

Советские люди в шлют привет своим друзьям и братьям, желают им новых успехов в социалистическом строительстве.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

В доме Чапека

1.

Не позабуду домик этот,
весь деловой его уют
так строгот жизнь своя поэты
и так мыслители живут.

На полках — пьесы и рассказы.
Цветы.
Но более всего
меня обрадовала сразу
та фотография его,

где он с тяжелою лопатой,
неотутюжен, непобрит,
как сельский житель небогатый,
среди грядок собственных стоит.

Есть люди, что, не без уменья
в нутре устроивши багаж,
глядят с жантильным
умиленьем
на пролетающий пейзаж.

Но любит только тот природу
и только тот ее познал,
кто спину гнул над огородом
и глину скудную копал.

2.

Интересуясь местным бытом,
я все примеривал к себе.
В саду у Чапека пробита
кормушка птичья на столбе.

И надо ж было так случиться,
что я узнал под тем столбом,
что те же самые синицы
летают за моим окном.

И так же живо хлопотушки,
с таким же тщанием, как тут,
из зимней маленькой кормушки
на ветви семечки несут.

Такие же, сквозь солнце, тучи,
такой же сад, такой же вход.
Вот только разве что получше
писал больший писатель тут.

3.

Те люди, что его читали
не так, что лишь бы что читать,
в подарок Чапеку прислали
резную детскую кровать.

Я перед нею скинул кепку
и помню здорово досель
ту деревянную колыбку,
колыску или колыбель.

Ведь все мы вышли в самом деле
весенним или зимним днем
из деревянной колыбели
и в гроб из дерева уйдем.

И лишь задача та отдельна,
как путь пройти достойно свой
от первой песни колыбельной
до панихиды гробовой.

Иозеф ЧАПЕК

Пусть!

Пусть страх, и смерть, и скорбь, и ненависть
пусть дни ползут, придавленные тьмой,
смерть — избавление, жизнь — худшая из мук,
и все ж моя звезда сияет надо мной.
Я волю позабыл. И милые краи
давно подернулись неясной пеленой.
Где дом? Где родина, откуда вырван я?..

И все ж моя звезда сияет надо мной.
Когда всему конец, когда спасенья нет
и гаснет, гаснет жизнь на каменной стене, —
в могильной темноте вдруг вспыхивает свет...
Да! То моя звезда пылает надо мной.
И если все кругом упрямо говорит,
что обрывается мой скорбный путь земной,
я на небо глажу: она еще горит!
Надежда, как звезда, сияет надо мной...

Художник и поэт Иозеф Чапек, брат Карела Чапека, погиб в апреле 1945 года в гитлеровском концлагере Берген-Бельзен.

Перевел с чешского Лев ГИНЗБУРГ

Лацо НОВОМЕСКИЙ

Принц датский

Держа в руках их головы, стать над протестом могил
и нежно вдохнуть в них мгновенье бесстрашия,
быть ради них,
быть ими, быть в них, в их плоти, в их кости,
думаю, вот в чем вопрос.

Перевел со словацкого Борис СЛУЦКИЙ

В ЕВРОПА КАК НА ЛАДОНИ

Богуш ХНЕУПЕК,
главный редактор журнала «Предвой», лауреат Государственной премии

ИЗ окна нашей квартиры, как меня уверяет каждый, кому пришлось у нас побывать, если и не уникальный, то уж во всяком случае оригинальный. Пожалуй, в этих словах — зерно истины. Дело в том, что живу я на двенадцатом этаже нового дома, прямо на берегу Дуная, рядом со старинной братиславской крепостью, но самое главное — из каждого окна нашей квартиры можно видеть сразу три страны. Чистое, словно, в ясный день пее пременяющее прямо перед мной — пятачок чехословацкой территории: направо — равнина Австрии; налево, на восток, простирается Венгрия. И ко всему этому, разумеется, течет под ногами сонный Дунай. На одном образние пейзажа, открывающегося из моего окна, я, как вы, конечно, понимаете, пожаловаться не могу. Тем более теперь, когда в дверь стучится май, когда придунайские леса покрываются зеленью и кажутся надувшимися ладышем. Когда с утра до ночи реку бороздят теплоходы и, врезаясь в волны, мчатся катера. Когда все уважающие себя капитаны прикидываются до блеска надраить свой суда и суденышки и красили их в честь праздника Победы гирлянтами развешенных флажков.

Из окон моей квартиры, пусть это звучит даже несколько необычно, можно смотреть на мир под определенным политическим углом зрения. А если бы я хотел развить свою мысль дальше, я мог бы утверждать, что вид из моего окна является своеобразным отражением нынешней международной ситуации. Потому что, выражаясь словами капитана Чапды, тому, кто разбирается в жизни Дуная, ясна, как божий день, европейская ситуация — он видит ее как на ладони. Может быть, это утверждение покажется вам сказанным ради красного словца. Но уверяю вас, вы ошибаетесь, потому что не знаете Доминя Чапды, старого волка, большого дунайского хрыча, которому известно все, что плавает по реке, кто, как свои пять пальцев, знает все дунайские пристани, кабачки, речные представительства разных государств, который знает, где держат самое лучшее вино и готовят самый лучший шашлык. Чапда на «ты» с капитанами и рулевыми, для него ничего не стоит обменяться парой крепких словечек со всеми дунайскими таможенниками и пограничниками на их родном языке. К тому же за десятилетия своей службы он прошел путь от простого матроса до капитана и перевез столько грузов, что если бы его собрать вместе, то получились бы небольшие Карпаты. А потому, раз уж Доминя Чапда утверждает, что Дунай — это политика, значит, ему надо верить. Значит, есть у него причины говорить именно так. Чапда слов на ветер не бросает. Кроме всего прочего, Чапда — человек серьезный и знающий, в этом я убедился еще десять лет тому назад, когда писал книгу о Дунае, о речниках и несколько недель плавал вместе с ним на его старом «корыте». Так что я вполне за него ручаюсь.

Недавно, когда мы играли с ним в шахматы в небольшом кабачке около братиславского моста, я спросил его после рокировки: что у него нового?

— Держим паруса по ветру, — ответил он, и его конь сделал скачок. — Мотаемся по Дунаю, как проклятые. Глаза слипаются на вахте...

В переводе на нормальную человеческую речь это означало, что пристани забиты грузом и речниках приходится плавать днем и ночью, так что они почаи и спят прямо на капитанском мостике.

Газетник-комментатор ту же самую мысль выразил бы примерно так: возрастающая кривая дунайской речной торговли, которая всегда была и остается точным барометром международной ситуации в Центральной Европе, в настоящее время может служить безошибочным прогнозом стабильного развития, а вместе с тем и возможности расширения мирных экономических связей между государствами с различным государственным и общественным строем.

Не всегда были на Дунае такие времена. Еще перед войной некоторые государства рассматривали статут свободного плавания как орудие политического нажима на придунайские страны, как средство для разжигания политических конфликтов. Теперь Дунай стал в настоящем смысле слова рекой мирного сотрудничества. Решающая роль на этой магистрали принадлежит мирным статутам, реализующим на практике величественную идею интернационализма, этого самого сильного оружия социалистического лагеря, которое приобрело на Дунае своеобразную форму. Это горы кривоногой руды и поменого антрацита, отрасли уральских тракторов и строительных механизмов, плывущих к нам от Измаила. Это венгерский боксит, болгарские станки, румынская нефть и югославский пирит на пристанях и судах братских стран.

Интернациональное сотрудничество, идею которого мы приняли в первые дни строительства социализма и проводим в жизнь поныне, стало верным спутником и знаменем наших дней. Взволнуя что говорить именно так,